

Заповедное откровение с небес: «Я – зодчий. Душа и сердце», или Ибо... (80-летию «Маленького принца» и 110-летию первого взлета его автора)

Морозов И.В.

Учреждение образования «Белорусский государственный
университет культуры и искусств», Минск

В литературно-философских анналах прошлого столетия ярким, хотя формально и не большим вкраплением почитается «Маленький принц» Антуана де Сент-Экзюпери. Сказка, но никак не лживая. И без намека, но с художественно-символической прямотой утверждающая благодух гуманизма. То же и в других произведениях пламенной натуры, «свысока» проникновенно наблюдающей «Планету людей». Наконец, «Цитадель» – наиболее сложное, многогранное, крупное творение, которое осталось не законченным и в результате соответствующей проникновенной редакции вышло в свет планеты людей уже после таинственной гибели летчика-писателя. Впрочем, трудно представить его завершенным, ибо в нем мыслитель предстает Зодчим Дома, достойного Человека, то есть натуры постоянно неудовлетворенной и ищущей. Причем, сугубо в духовной сфере, в самом человеке, который также является Цитаделью, а она подобна Богу. Так что перед нами своеобразное евангелие от Антуана, кодекс Человека–Человечества, которому подобает заботиться о Доме для каждого и всех, и так вознестись над самим собой. Это откровение созвучно терзаниям ницшеанского «Заратустры», ибо вместе они озабочены пониманием смысла человеческого существования под общепланетарной кровлей бытия, и посему весьма насыщенные и поныне, точнее – всегда.

Ключевые слова: Экзюпери, Ницше, Августин, Цитадель, Маленький принц, Заратустра, Дом, Зодчий, город, сверхчеловек, творчество, красота.

(Искусство и культура. – 2022. – № 4(48). – С. 50–59)

Cherished Revelation from Heavens: “I am an Architect. Soul and Heart”, or For ... (to the 80th Anniversary of The Little Prince” and the 110th Anniversary of the First Takeoff of its Author)

Morozov I.V.

Education Establishment “Belarusian State University of Culture and Arts”, Minsk

In the literary and philosophical annals of the last century, the “Little Prince” by Antoine de Saint-Exupery is revered as a bright, although formally not large element. A fairy tale, but not a lie. Without a hint, but with artistic and symbolic directness, it affirms the spirit of humanism. It is the same in other works of the creator’s fiery nature, who observes the “Planet of People”. Finally, “Citadel” is the most complex, multifaceted, large-scale work, which remained unfinished and, after a corresponding penetrating edition, was published on the planet of people after the mysterious death of the pilot-writer. However, it is difficult to imagine it complete, because in it the thinker appears as the Architect of the House, a worthy Man, that is, a nature constantly unsatisfied and searching. Moreover, purely in the spiritual sphere, in the person himself, who is also the Citadel, and it is similar to God. Thus, in front of us is a kind of gospel from Antoine, the code of Man-Humanity, who should take care of the House for everyone and all, and so rise above himself. This revelation is consonant with the torments of Nietzsche’s “Zarathustra”, because together they are concerned with understanding the meaning of human existence under the planetary roof of being and therefore it is very urgent even now, more precisely – always.

Key words: Exupery, Nietzsche, Augustine, Citadel, Little Prince, Zarathustra, House, Architect, city, superman, creativity, beauty.

(Art and Cultur. – 2022. – № 4(48). – P. 50–59)

Адрес для корреспонденции: e-mail: ivm2010@rambler.ru – И.В. Морозов

*«Прежде всего я – житель.
И я спасу тебя, моя крепость,
цитадель моя и обитель,
от посягательств бесплодного песка»
Антуан Экзюпери*

...«Я ненавижу эту землю...», «кругом посредственность», «кругом уродство», «все глупы», «все безобразно»¹... Такими неожиданным резко-скорбными признаниями ошеломляет романтик-гуманист, беззаветный филантроп, «отец-воспитатель» Маленького принца, знаток-приверженец Планеты людей...

Объяснение здесь одно: формально-телесное равенство, предоставляемое эпохой машин настораживает обезличивающей уравниловкой – противоположностью братства, основанного на уважении к человеку, а значит, на развитии в человеке сугубо человеческого, творческого, неповторимо индивидуального начала, условием которого должна быть реальная свобода. Но не «стадность», провоцируемая «потребительской цивилизацией»...

Отсюда неминуемо восстает «главный вопрос нашего времени» – о назначении человека, о смысле бытия. Здесь уже не до романтической мечтательности. Ибо не только робкое предчувствие, окрепшее чувство, но и твердая убежденность глаголет о духовной катастрофе.

«Разве ты не слышишь запаха бойни и харчевни духа? Разве не стоит над этим городом смрад от зарезанного духа?»²

«Перекосились дома, балки лопались, словно их начинили порохом. Стены дрожали и рассыпались в прах. Мы выжили, но стали ненужными даже самим себе».

Самое же печальное, что спустя десятилетия столь самоуничижительное откровение только усугублялось.

«Люди становятся отбросами своих собственных отбросов – вот характерная черта общества, равнодушного к своим собственным ценностям, общества, которое самое себя толкает к безразличию и ненависти» [1, с. 8].

Сегодня о них говорится: Ghost-towns, ghost-people (англ. города-призраки, люди-призраки). Ибо в них сквозит девиантное отношение к исконно духовно-возвышенной природе человека. В них «человеческие существа бесконечно воспроизводят себя в виде отбросов или в виде обыкновенных статистов, удел которых – обслуживать этот холостой

механизм, символизирующий порочный круг производства. И тогда хочется спросить, как же может ненавидеть и презирать самое себя..., создавая города и метрополии, подобные огромным холостым механизмам, бесконечно себя воспроизводящим» [1, с. 8].

Где-как при этом не то, что творить и гордиться собой, а попросту уцелеть-спастись человеку как таковому, обретя нужный кров-обитель собственной духосамости?

«Боже, как все это печально! Найти себя это, наверно, невозможно. Где то, в чем можно себя найти, – где дом, обычаи, верования? Вот почему в наше время так невыносимо трудно и горько жить».

«Мне противен также этот большой город... Здесь и там нечего улучшать, нечего ухудшать!»

Не иначе, как «ад для мыслей отшельника», где-когда «великие мысли кипятятся заживо и развариваются на маленькие», где-когда «разлагаются все великие чувства».

«Горе этому большому городу! И мне хотелось бы уже видеть огненный столб, в котором сгорит он!»

Здесь выказывается и предчувствие двух «цивилизационных» войн, и желание очистительного огня, после которого останется лишь плодородная зола для животворного Возвращения к тому, что-кого можно-следует любить.

«Где нельзя уже любить, там нужно – пройти мимо!»

Отсюда и изгнанничество из Дома пращуров, что вызывает особое отчаяние.

«Ах, куда же еще подняться мне с моей тоской! Со всех гор высматриваю я страны отцов и матерей. Но родины не нашел я нигде».

Без Дома-семьи тревога досаждаст во всех городах и гонит «**прочь из всех ворот**». На вольный простор мысли-пророчества о Сверхчеловеке, ибо...

«Человек есть нечто, что должно превзойти».

«Но всему свое время и своя собственная судьба».

А у пророков она известно какая, особенно в своем «отечестве», априори насто-роженно-неприветливом. И как ему быть таковым, когда Наука-Техника сулит фантастические скорости прибыли-доходов, способные безжалостно «загнать клячу истории» (В. Маяковский). И под фанфары неудержимого прогресса ворваться в небывалый Дом всеобщего благоденствия...

Вот только розовый первооптимизм обволакивается сомнением.

«Мы едва начинаем обживать этот новый дом, мы его даже еще не достроили...»

¹ Здесь и далее курсивом слова, фразы, мысли Антуана Экзюпери, заложенные в «Цитадели» и иных памятниках его духовного искательства.

² Здесь и далее жирным шрифтом откровения «Заратустры» и самого Ф. Ницше.

Мы едва успели обзавестись привычками, а каждый шаг по пути прогресса уводил нас все дальше от них, и вот мы – скитальцы, мы еще не успели создать себе отчизну».

Ибо наш внутренний мир потрясен до самого основания. Хоть и остались слова: разлука, отсутствие, даль, возвращение, дом, их смысл стал иным – духовно-плоским, сугубо «функциональным», «механизмичным». Отсюда отчаянная попытка охватить-описать нынешний мир в почти уже утраченных смыслах-образах.

«Нам кажется, будто в прошлом жизнь была созвучнее человеческой природе».

Ибо был-присутствовал тогда осязаемо-чувствуемый стержень, абсолют стабильного Дома, но «нет больше личного и домашнего универсума, отныне только непрерывные фигуры циркуляции» [2, с. 15]. И каждый новый полет над сумрачными городами планеты потерявших людей продолжает убеждать в катастрофической утрате и, соответственно, ответственности.

«И вновь я смотрю на город, зажигающий в сумерках огни... Нет в нем общей жизни, что течет сама по себе и животворит каждого, нет общего сердца... Нет города, есть видимость, есть некрополь, не сомневающийся, что по-прежнему жив».

Видимость полновзвучной достойной жизни позже опишется-оценится как владычество симулякр-имитаций [2]. При нем чувства-переживания становятся излишней обузой.

«Больше некому любить людей».

Жизнелюбивая натура не может пролететь мимо такой «пустыни». Ибо ей нужно понять истоки пугающего падения-нелюбви.

И с надгорной высоты видится ей, как вещи испытывают невиданный прилив любви-вожделения, а пышущий самодовольством вещизм уверенно воцаряется в сонме неофетишей. При нем человек измеряется-оценивается не тем, что-чем он творит-одаривает, но тем-что он приобрел-захватил. К такому миру пропадает доверие, ибо он «оборвал связь, утратил самое драгоценное свое достояние: оно не в вещах – в осмысленности мира». Вещь как таковая преходяща, переменчива и изменчива в своем смысле-существовании. Потому ее истинное призвание-исполнение возможно исключительно за горизонтом телесно-физических критериев.

«А человек – ничего не поделатъ – создан так, что вещи для него пусты и мертвы, если не связаны и с бестелесным тоже».

Одним словом, с Красотой. Ибо...

«Красота, которая превыше души и о которой душа моя воздыхает днем и ночью».

Мастера и любители красивых вещей от нее взяли мерило для оценки вещей, но не взяли мерила для пользования ими» [3, с. 263].

«Богатый скупец выбирает для себя все-таки самую красивую вещь, потому что собственный дом он представляет богатым и прекрасным и золото для него – средоточие незримых сокровищ?»

Однако «незримые сокровища» становятся все более незримыми, утопая в чрезмерном изобилии-роскоши.

«Создания разных искусств и ремесел – одежда, обувь, посуда и всяческая утварь, картины и другие изображения – все это ушло далеко за пределы умеренных потребностей и в домашнем быту и в церковном обиходе» [3, с. 263].

А Дом все более походит на сундук для собирания-скопления пожитков, зачастую совсем уже не нужных, собирающих пыль бессмыслицы и ничего кроме себя самих не означающих.

Посему за штурвалом самолета, письменным «столом» все более бесчинствует «незримая» боль опустошенности, вызванная беззащитностью «символического пространства», «интеллектуального пространства собственного мнения». Техника «делает доступным все, что угодно», и уже невозможно «решить, что полезно, а что бесполезно», что «прекрасно, а что безобразно, что хорошо, а что плохо, что оригинально, а что нет».

Ибо в этой ошеломляющей «ситуации» невозможности принять какое-либо решение любой предмет делается плохим, и единственной защитой становится противореакция, неприятие и отвращение... Это иммунная реакция организма, с помощью которой он стремится сохранить свою символическую целостность, иногда ценой жизни» [1, с. 10].

Так что и жизнь-исполнение Дома обуславливается не фрагментами-детальями, но в сугубо холистической ипостаси.

«Тот, кто, желая понять сущность дома, разбирает его, видит кирпичи, черепицу, но не находит ни тишины, ни уюта, ни прохлады, которым служили кирпичные стены и черепичная крыша...».

Такова уж природа нашего сугубо аналитического мышления, не отягощенного синтезом целостного, живого-задушевного видения.

«Душа и сердце вне логики. Они не поднимаются математическим законам».

Даже самые обширные знания не только не снимают, напротив, усугубляют духовный феномен Человека.

«Что толку, если он станет ходячей энциклопедией, – поднимайся с ним».

со ступеньки на ступеньку, чтобы видеть не отдельные вещи, а картину, созданную тем Божественным узлом, который один только и способен связать все воедино».

Поэтому не количество-масштаб, не «громкость» мера Человека-Дома.

«Сколько – меня не интересует. Я хочу знать, какой ты выстроил дом... Я хочу знать, какую любовь ты пестуешь и на что, более долговечное, чем ты сам, тратишь свою жизнь. Я хочу, чтобы ты сбылся».

Это означает старую, как религии, моральные кодексы, мудрость, что о человеке следует судить-рядить по делам его, «а не по ненужной делу вещности», возвышающей владыка разве что в собственных глазах».

В этом убеждаешься окончательно после общения с наивно-мудрым Маленьким принцем, свободным еще-уже от меркантильной коросты, потребительских вериг взрослых:

«Когда говоришь взрослым: “Я видел красивый дом из розового кирпича, в окнах у него герань, а на крыше голуби”, – они никак не могут представить себе этот дом. Им надо сказать: “Я видел дом за сто тысяч франков”, – и тогда они восклицают: “Какая красота!”»

«Окружайте себя маленькими, хорошими, совершенными вещами, о Высшие люди!»

Отсюда неизбежная тоска в индустриальных домостройках, казалось бы выводящих из нищеты «пещерной» и цивилизующей всяческими техническими устройствами.

«Почему тебе так тоскливо в твоём новом доме? Куда более удобном, лучше обустроенном доме, о каком ты мечтал в нищете былого? Колодец так утомлял тебя, и ты мечтал о водопроводе. Вот он – водопровод. Но теперь тебе не хватает скрипа ворота, воды, добытой из чрева земли, что вдруг отражала твое лицо, когда в колодец ныряло солнце».

«Ибо все самое малое, самое тихое, самое легкое, шорох ящерицы, дуновение, мгновение, миг – малое, вот что составляет качество лучшего счастья. Тише!»

...Нет, речь, конечно же, идет не о некогда модном призыве-девизе «Назад – в пещеры!», откуда доносились поучения решительного Заратустры. Ибо Человеку даже в самые тягостные годы мечтаются-грезятся не только сугубо убежище. И тем более его имитация-подделка.

«Да, конечно, стены нужны человеку, он должен быть укрыт, чтобы стать семенем. Но ему нужен и Млечный Путь, и морской простор, хотя ни звезды, ни море никак ему не служат...»

Ибо Дом не просто защитная личина-оболочка, не «машина для жилья» (Ле Корбюзье), которая не способна наполнить переживанием себя-самости, не подвигает людей людьми быть-зваться, творить-сбываться.

«Для того, чтобы они стали людьми, нужно дать им возможность узнать человеческие чувства, научить их видеть за дробностью мира единую картину – облик дома, владения».

И истинный радатель явления человека нового, Сверхчеловека предлагает для этого свой Дом-обиталище надежной Крепостью.

«В моем доме, у очага моего никто не должен отчаиваться, в моих владениях защищаю я каждого от диких зверей их».

«Их» дикозвери, очевидно, то недочеловеческое, слишком нечеловеческое, что еще живет-глохнет «старого» человека, всячески препятствуя его освобождающему восхождению. И здесь мало высоты «гор», востребуется высь-мощь Цитадели.

Истоки ее образа-идеи явно берут начало-подпитку в детском воображении Антуана. Особенно со смертью молодого еще отца и переезда из лионской квартиры по замкам своих бабушек, несомненно, обладающим проникновенным очарованием, пленяющей магией, **«страны отцов и матерей»...**

...Затем, в 12 лет первый авиационный взлет со знаменитым летчиком. Еще учеба в иезуитском колледже и лицее. И еще – вдохновенная подготовка к обучению на морского офицера. Наконец, отделение архитектуры Национальной высшей школы изящных искусств...

Как после такого «паломничества» не увидеть-признать в себе Зодчего, творящего свой нерукотворный Дом для планеты людей. А сбывание Зодчего отнюдь не ограничивается должностью архитектора – «главного строителя». Ибо буднично-приземленная архитектура следует законам **«бытовой прагматичности»**, сермяжной повседневности. Для нее **«дом – средство, и ничего больше»**, и диктует озабоченность **«не домом, а его удобством»**, для чего хватает строительных норм-правил.

Зодчий же обязан владеть-обладать **«волей к власти»** над всем инертно-порочным, пользоваться напором лидера, повелевать дальновидностью вождя.

«Я – правитель. Я веду. Я – вождь».

Особый, надо признать, вождь. Ибо...

«...вождь не тот, кто способен хранить ведомых; вождь – тот, кто с помощью ведомых способен сохранить себя».

То есть сохранить как семя-росток для культивирования свободы чувств-переживаний, что возможно только в обители-ауре своего Дома.

«Ибо всякий камень его разится от камня, что добывают узники в каменоломни», его «камень нуждается в сердце и душе человека...».

И ведущий Зодчий принимает свою судьбу как время собирать камни сугубо таковые. Из них и выросла-вырисовалась впоследствии его «Цитадель», беззаветно ответственная за тех, кого приручает. Ибо она рукодельна, от души-сердца.

С ее неизмеримой высоты не только «рукой подать» Млечный Путь, но открываются великие дали-мысли, сама истина открывается.

«Великая истина открылась мне. Я узнал: люди живут. А смысл их жизни в их доме... Заслушавшись бездельников, люди теряют из виду дом и разрушают его. Так расточают они самое драгоценное из своих сокровищ – смысл существующего».

А раз так, то этот Дом должен быть сродни надежной крепости-редуту, как, впрочем, и его домочадцы.

«И я понял: человек – та же крепость».

Однако незыблемость ее в сердце-душе его. Так что зодческая задача становится весьма понятной и целенаправленной.

«Крепость моя, я построю тебя в человеческом сердце...».

Отсюда и воля Зодчего.

«Я повелеваю: пусть в каждом доме бьется подобие сердца, к нему можно приблизиться, отойти, покинуть и возвратиться. Без сердца нет дома».

Следовательно, и человеку подобает быть с сердцем – чутким, отзывчивым, любящим, одухотворенным.

«Я люблю человека, одухотворенного животворящими божествами, которые я вырастил в нем, чтобы он тратил себя и свою жизнь на большее, чем он сам: на дом, родину, Господнее царство».

В каких высотах-глубинах увиделось столь сокровенное откровение?

«Когда я пишу, то продолжаю тем самым великую традицию блаженного Августина».

А у него есть знаменательная метафора-идеал: «душа – дом». А также отчаяние как предтеча-крестник отнюдь не блаженных, но тягостных переживаний звездного Зодчего.

«Какою печалью омрачилось сердце мое! Куда бы я ни посмотрел, всюду была смерть. Родной город стал для меня камерой пыток, отцовский дом – обителю беспросветного горя; всё, чем мы жили с ним сообща, без него превратилось в лютую муку» [3, с. 6].

Здесь же, в томлении духа и рождается отождествление дома-души, признание божественной заботы о нем.

«Тесен дом души моей, чтобы Тебе войти туда: расширь его. Он обваливается, обнови его. Есть в нем, чем оскорбиться взору Твоему: сознаюсь, знаю, но кто приберет его?» [3, с. 6].

Дабы прибрать его к рукам-помыслам «человека, одухотворенного животворящими божествами» и творится-высится Цитадель. С нее, как с поднебесного амвона, звучит Молитва звездного Зодчего:

«Господи, я прошу не о чудесах и не о миражах, а о силе каждого дня. Научи меня искусству маленьких шагов. Сделай меня наблюдательным и находчивым, чтобы в пестроте будней вовремя останавливаться на открытиях и опыте, которые меня взволновали».

Богоугодная просьба не осталась без ответа-дара любознательности и жажды открытий.

...«Случайная» «стоянка в дальнем краю», в Аргентине, «но могло быть и где-нибудь еще: мир полон чудес».

«Я приземлился посреди поля и вовсе не думал, что войду в сказку... И вот за поворотом в лунном свете показалась рощица, а за нею дом. Что за странный дом! Приземистая глыба, почти крепость. Но, едва переступив порог, я увидел, что это сказочный замок, уют столь же тихий, столь же мирный и надежный, как священная обитель... Тотчас появились две девушки. Они испытующе оглядели меня, точно судьи, охраняющие запретное царство... Было забавно и мило. Совсем просто, беззвучно и мимолетно мне шепнули, что начинается тайна».

Изумленное приобщение к тайне началось с порога этой загадочной обители.

«Ибо все здесь обветшало и оттого было полно обаяния, точно старое замшелое дерево со стволом, потрескавшимся от времени, точно садовая скамья, куда приходили посидеть многие поколения влюбленных... Занятный дом, к нему нельзя было отнестись со снисходительной небрежностью, напротив – он внушал величайшее уважение...».

И было совместное столь же странное застолье, после того как девушки вновь появились, так же таинственно, так же безмолвно, как прежде исчезли... И был хлеб и вино своеобразной евхаристии. Так что была и игра сродни некоей испытательной ворожке, которую не суетясь, но властно вели две гостеприимные феи-ведуньи, дружившие с дикими травами и змеями, живя в гармоничном ладу со Вселенной.

«Пока я ел, мои молчаливые феи так неотступно следили за мной, так часто

я ловил на себе их быстрые взгляды, что совсем потерял дар речи Наступило молчание... Тогда младшая, видимо, удовлетворенная экзаменом, все же не преминула...»

Словно въявь разыгрывался новозаветный сюжет о явлении Иисуса в небольшое селение Вифанию, в тихий ветхий дом Лазаря, под волшебные чары двух сестер, что жили там, видимо, в ожидании-уготовлении рокового прихода. И получал пришелец стол от них заботливый. И одна из них помазала его маслом и отерла ноги его власами своими магическими. И так посвятила его в помазанники Зодчего. И уже не мог он уже оставаться на все той же земле-месте... Ибо она уже «пролила масло».

А на крыле межзвездного полета «невольно» рождается-укрепляется мысль-убеждение, что единственный способ обрести бессмертие – это участвовать в таких действиях, у которых есть шанс пережить-презойти человека отжившего, заброшенного, обездомленного. Для этого и даруется выстрадавшая Цитадель. Но не как каземат для заключения-аскетизма. Ибо ее служение во имя возвращения полноты жизни-обители, преисполненной рождения-смерти, любви-ненависти, дружбы-вражды, свободы-принуждения. Ибо душевно-сердечное напряжение только в незыблемой дихотомии добра-зла, красоты-уродства, животности-божественности одаривает представлением о живучести жизни, текучести времен. Впрочем, это вовсе не означает безоглядный бег на перегонки, пикирующий перелет из ниоткуда в никуда, из-в никогда. Почему и беспокоит отсутствие «наследия, которое неизменным передавало бы одно поколение другому, время теперь течет бесплодно, словно песок».

Понятно, не такого зыбуче-коварного, «краткосрочного» песка безвременья требует созидание Дома-Цитадели.

«Дом противостоит пространству, традиции противостоят бегу времени. Нехорошо, если быстротечное время истирает нас в пыль и пускает по ветру, лучше, если оно нас совершенствует. Время тоже нужно обжить».

Обживание времени, его одомашнение означает наличие, пожалуй, главного критерия свободы: *«есть время для творчества, а потом для творения».* Вот, пожалуй, то неизменное, что заслуживает неудержимого prodления-передачи – традиции. Ибо...

«Неизменному подобает пребывать в вечном».

А значит вмещать и возвращение, ибо за временем *«для зачинания нового» «наступает благодатное время традиций»*, только

на которых и может твердо стоять-вдохновлять Дом-страна якобы умерших **«отцов и матерей»**. И это поступательное возвращение также служит традицией. Она богоподобна, ибо преодолагает смерть физическую, не давая предкам уйти из Дома бытия навсегда.

«Когда-то я приказал строить дома для усопших – да, это дорого, да, бесполезно, – но зато в них собирались по праздникам и чувствовали не умом, а въяве, что живые и мертвые живут вместе, что они – единое дерево, которое тянется вверх».

Дома *«подобны дереву. Они – живые, ибо рождает их человек. Человек уверен, что главное – правильный расчет. Он не сомневается, что стены воздвигаются умом и соображением. Нет, их воздвигает страсть...»*

Да, страсть, если она принадлежит не похоти, но Заботе, исполняемой ухаживанием-культивированием, дабы Дом не закладывался-строился-возводился, но высаживался-выаживался-вращивался.

Библейский Творец в начале «Бытия» предстает исключительно заботливым Садовником, творящим прекрасный Эдем, весьма благодатную обитель, бескровный Дом. И лишь затем, увидев, «что это хорошо», Он населяет его людьми. А когда они сполна прониклись величием этой Заботы и сами выказали готовность к ней, только тогда решается-исполняется предоставление им собственной «целины» для заботливого возделывания сугубо человеческого Дома. Так что истинный первогрех-отступление состоит в отказе-измене этому человеко-божественному принципу – телесно-духовной, здорово-гармоничной, естественно-рукотворной Гармонии. Ибо Дом – был, должен быть Древом Жизни-познания, которое питает насыщенными вековечностью соками свою новопоросль.

«Но если я направляю свой шаг в будущее, я должен буду считаться с постоянным рождением чего-то нового, оно будет преобразовывать существующее, но предугадать его мне не дано, потому что оно иной природы».

Природа, пожалуй, одна и та же – **«человеческая, слишком человеческая»** – животворческая. Она, по определению, не статична, ибо неизменно плывет по волнам-облакам нашей памяти-мечты. И потому может видаться неудержимой стихией, весьма способной смутить-озадачить.

«Скажи, на что можно тратить себя, если все вокруг уничтожается неподвластной тебе стихией? Что можно построить, если все пришло в движение?»

Со времен Гильгамеша и Ноя ответ дан единоверный – подобает строить надежный

Корабль, или Дом-царство, способное одолеть гребни временного потопа, пережить-переплыть скоротечность единичной жизни к березам мира уже-еще беспотопного.

«И я понял: прежде всего нужно строить корабль, снаряжать караван, возводить храм – они долговечнее человека».

Образы, явно навеянные особым отношением к морю и одновременно к пустыне, по своему также безбрежны.

«Я люблю пустыню».

Прожив три года в Сахаре, прирожденный летчик-зодчий пытался *«постичь, чем же она завораживает и покоряет».* И это ему удалось благодаря испытанному в веках способу – квазимонашескому одиночеству.

«Там ты вечно погружен в неизменное однообразие скуки. И однако незримые божества создают вокруг тебя сеть притяжений, путей и примет – потаенную живую мускулатуру. И уже нет однообразия. Явственно определяются знаки и вехи. И даже тишина всякий раз иная».

Посему она сравнима с оазисом для сосредоточенного размышления – бережного культивирования достойных идей. Ибо там нет *«счетоводов и лавочников»*, там не действуют законы, регулирующие их существование. Человек в пустыне абсолютно свободен, он предоставлен самому себе, погружен в себя. В пустыне господствуют *«силовые линии»*, вынуждающие человека, как и в полете, жить на пределе своих возможностей. Пустыня, как и небо, – простор человеческого духа. И все великие откровения-озарения дарует Пустыня.

«Никогда я так не любил родной дом, как в пору, когда очутился в Сахаре».

Ибо проникся необычный «пустынник» событием прибытия караванов на высокий берег моря, откуда являлся *«сгустившийся простор».* Им они запасались впрок и так *«приносили в дом покой и счастье, которым надышались».*

И тут же морской всегда благоприятный отчаливанию ветер-бриз. И зовёт-влечёт он к плаванию-полету по морю-небу Зодчего-кораблестроителя. Ибо Цитадель кораблю подобна.

«Я строил тебя, как корабль. Крепил, оснащал, и теперь ты плывешь в потоке времени, который стал тебе попутным ветром. Корабль людей, без него им не добраться до вечности!»

Должно быть вечный корабль?

«Но я вижу, сколько опасностей грозит моему кораблю. Вокруг бушует беспокойное море неведомого,... А вокруг слепые стихии, могучие и неведомые».

Но и стоять на месте кораблю невозможно, ибо порастет илом-гнильем. Надо решаться...

«Мне предлагают все новые и новые курсы. Любой путь возможен, потому что всегда возможно разобрать построенный храм и сложить новый».

Не будет ли он очередной имитацией-подделкой, издевательством над потерей-утратой, над традицией?

«Он не будет лживей старого и не будет истинней, не будет грешней и не будет праведней. Камни не помнят, какой была тишина, поэтому никого не коснется чувство утраты».

А сомнения людей в прочности Корабля, не утратит ли он с собой в штормовую годину всех разом на дно небытия-забвения?

«Знаю я и то, что даже корабль должен перемениться, если он плывет по жизни. Если повторять и повторять его без изменений, корабль умрет, став экспонатом для музея».

Здесь вновь проступает образ Ноева ковчега: не был ли и он подвижной твердыней Цитадели как волнореза-дамбы для прилива небывалой стихии? И одновременно маятником, соединяющим разные берега водоворота времени, как начало конца и конец начала, исключающие беспричинную жалость перед лицом-причалом перемен.

«Ибо слишком часто я видел жалость, которая заблуждается...»

Именно таково начало «Цитадели», где в изначальном «ибо» предполагается нечто бывшее ранее, предыдущее, обуславливающее последующее, новаторство традиции, непредсказуемое сбывание, не лишенное ни неги-предрады, ни печали-тревоги. Так что не просто лингвистический союз, но нерушимый завет времен летит-плывет рефреном заповедной и весьма озабоченной мысли-чувства.

«Я чувствую, как обтекает нас бесплодное время. Я чувствую, как оно утекает. Время не должно течь так ощутимо. Оно должно обрести форму, созреть и состариться. Оно должно стать вещью, постройкой. Но какой формы ему ждать теперь, если мы ничего не можем, если от нас ничего не останется?»

Остается одно – в форме-содержании испытанного веками-нашествиями Замка-Цитадели, которая источает отказ от жалости с ее бездарными заблуждениями. Ибо вызывает она к человеку-крепости, к сверхчеловеческому усилию во благо решительного созидания...

Посему и окончательное у «Цитадели» также «Ибо»:

«Ибо Ты, Господи, общая для нас мера. Ты – узел, что связал воедино несхожие деяния!»

Отсюда безусловный наказ взлетевшего над толпой-суею зодчего своим «приземленным» коллегам: созидать подобает лишь великое-нетленное, надповседневное. Ибо между-среди двух этих «Ибо» исполняется жизнь-бессмертие.

«И вы, зодчие, вы сами обретете величие, потеряв интерес к насущному. Созидая по истине великое, вы переродитесь... Вы превзойдете самих себя. Невозможно стать великим зодчим, строя всю жизнь балаганы».

Подобает быть истыми волшебниками, ибо чтобы стать великими, подобает обычные камни, «предназначенные служить нехитрым будничным удобствам» зарядить неодолимой духовной силой, сотворив из них «ступени, ведущие к престолу Господа». И так снять нестерпимый гнет с души.

И чем выше Зодчий-вождь поднимался по ступеням Цитадели-Храма, тем отчетливее виделось, как уменьшается планета. Воображение рисовало ее глазами, душой-сердцем Маленького принца, который «никак не мог понять, для чего на крохотной, затерявшейся в небе планетке, где нет ни домов, ни жителей, нужны фонарь и фонарщик».

Исключительно светлая детская мудрость находит и этому объяснение:

«Когда он зажигает свой фонарь – как будто рождается еще одна звезда или цветок. А когда он гасит фонарь – как будто звезда или цветок засыпают. Прекрасное занятие. Это по-настоящему полезно, потому что красиво».

Посему даже это трепетное звездосвечение, несмотря на все более непробиваемый смог, многим нужно. Ибо высшая польза в красоте, как и истина в жизни. Понятна тогда родословная столь взрослого в суждениях мальчугана: «его родная планета вся-то величиной с дом!»

Ибо Дом человеческий ни много, ни мало величиной с планету, обойти-облететь которую можно «не сходя с места».

«И не нужно тут ни кораблей, ни колесниц четверкой, ни ходьбы: расстояния не больше, чем от дома до места, где мы сидели. Стоит лишь захотеть идти, и ты уже не только идешь, ты уже у цели, но захотеть надо сильно, от всего сердца, а не метаться взад-вперед со своей полубольной волей, в которой одно желание борется с другим, и то одно берет верх, то другое» [3, с. 181].

В этой не на смерть, а на жизнь борьбе исполняется виртуальное возвращение к самосамости, к исходному Дому. От застенков-цехов Цивилизации – под яснонебесные своды Храма Культуры.

«Мое Само только возвращается ко мне, оно наконец приходит домой; возвращаются и все части его, бывшие долго на чужбине и рассеянные среди всех вещей и случайностей».

Возвращение вовсе не простое, но радостное, ибо победное: **«С битвы, где бился с дикими зверями, вернулся домой... в страну культуры».**

«...А радость рвется в отчий дом...»

В свой кровный, вековечный дом!»

Иначе говоря, в Детство, откуда мы все родом, и туда, где единое коренящееся вверх древо навсегда остается большим-плодовитым.

«...люблю я еще только страну детей моих, неоткрытую, лежащую в самых далеких морях; и пусть ищут и ищут ее мои корабли. Своими детьми хочу я искупить то, что я сын своих отцов; и всем будущим – это настоящее!»

«Главное – чтобы где-то сохранялось все, чем ты жил прежде. И обычаи. И семейные праздники. И дом, полный воспоминаний. Главное – жить для того, чтобы возвратиться»...

...Итак, Цитадель-маяк времен-судеб, востребованный духом возвращения, а оно преисполнено впередсмотрящей Заботой. Посему именно она определяет человеческое бытие в его целостности, «удел человеческий» [4]. И актуальная философия жизни находит тому подтверждение в даялах-глубях **«страны отцов и матерей».**

Вот всадник, позади которого «сидит мрачная Забота». Она неизменно за искателем «в крепкой ладье ль он, верхом ли едет» (Гораций, «Оды»).

Однако еще назойливее сидит-летит она позади летчика, взвалившего на себя бремя-миссию Зодчества, априори исповедующее Заботу. Ибо весьма увидел-прочувствовал он, как **«за ухом двигалось еще нечто, до жалости маленькое, убогое и слабое»...**

Вот монолог самой Заботы от первого лица.

...Пусть меня не слышит ухо –
Громозвон мой в недрах духа;
В разных образах встает
Мой суровый, властный гнет...
...На морях, на суше – всюду
Страшным спутником я буду...
...Раз кого я посетила,
В мире всё тому не мило...

Гёте. «Фауст».

Тогда понятен, видимо, врожденный вердикт Творца, озабоченного сникновением божественного в человеке, недопомоганием «фаустовским мышлением» (О. Шпенглер).

...Был приговор исполнен,
названа тварь человеком:

в жизни он при Заботе,
в смерти – с Землей и Богом.

И.Г. Гердер. «Дитя Заботы».

Итак, все более проявляется замысел евангелия от Зодчего, ибо...

«Цитадель – это прежде всего Бог, но в то же время и человек, ощутивший духовный ожог от скрытой в его сердце искры Божией».

Значит, отнюдь не обреченно, не апокалиптически признание **«Бог умер!»**, ведь Он, один-единственный – **«старая борода, сердитый и ревнивый Бог до такой степени забылся»**...

Тогда какого возвращения жаждет любитель-предтеча страны-времени и отцов-матерей, и детей-потомков?

Вернись, вернись ко мне, мой бог – мое страданье,

И счастье последнее мое!..

Следовательно: **«Бог умер»** – да здравствует Бог! Однако непременно иной – энергичный, деятельный, но главное внимательный, сострадающий насущным чаяниям человека – заботливый. Или, языком Августина, всеблагий, допускающий и даже прославляющий видимое несовершенство. Ибо оно не порок-грех, но условие мировой гармонии, крепость-опора для совершенствования, ведь хорошо лишь то, «что может стать лучше». В этом видится сущность Теодицеи (Богооправдания), объясняющей наделение человека умом, волей, памятью в их экзистенциальной холистичности. Ибо они есть неотъемлемые атрибуты-условия творчества и поэтому исключительно хронотипичные.

Посему чужды Творцу одиозно-догматичные клерикалы, не столько помнящие, сколько припоминающие. Отвратно также и нескончаемое соревнование со смертными во взаимно умаляющем сутяжничестве. Словом, исконный Творец-Зодчий требует не рабского Ему преклонения, но совместного причащения к созиданию Дома. Посему и перевозносит, уповает Он на человека, сродственного Ему по духу, богоподобного – Сверхчеловека, приобщенного не к сиюминутности, но к Вечности.

«...Ибо я люблю тебя, о Вечность!»

В ней найдется свое время-срок и «башне из слоновой кости», и «воздушным замкам», если, конечно, кость натуральная, а воздух чистый. В ней стеническая Цитадель – опора, место самоимения человека – существа обитающего не столько в пространстве, сколько, а точнее, прежде-после всего, во Времени. Ибо также сугубо им живет-процветает Забота, весьма безразличная к осязаемо-видимым простирациям. Отсюда и обращение к Цитадели *«за божественной благодатью: понять, что мечты не могут быть помощью. Помогите мне*

быть здесь и сейчас и воспринять эту минуту как самую важную»...

...Обожествляемое мгновеновечное восприятие Времени вольно-вольным цитадельно-крепостным Зодчим и «родителем-вдохновителем» Заратустры подсказывает не удивляться и их реальной хронологической сопричастности. Можно сказать, духовной реинкарнации, сопереимственности на планете людей, окутываемой все более тягостно-токсичной атмосферой. Ибо Антуан Мари Жан-Батист Рожэ де Сент-Экзюперй родился в тот же 1900 год, который стал последним для Фридриха Вильгельма Ничше. А ушел в последний полет пылкий Зодчий-летчик ровно через столетие после рождения немецкого мыслителя, «убийцы» устаревшего Бога.

«Я вижу: есть преемственность и есть подражательство».

Впрочем, возможна ли без преемственности, да и без подражания тоже Забота о Доме, искони по существу вбирающая их. Ибо **«человек есть то, чем он занят» (М. Хайдеггер), о чем печется-беспокоится, чем озабочен. Как, впрочем, и его боги.**

Тогда меркантильность-прагматизм остаются в тени гласно-негласного презрения. Ибо потакают гноблению-унижению искони-сугубо человеческого в человеке – превосходить-взмываться над самим собой.

«В чем суть удачных восхождений? Вперед и вверх без размышлений».

Восхождение-взлет особенно родственен натуре летчика, у которого лишь одна, как поется, мечта – Высота. Однако не физическая величина, но духовная возвышенность, постоянная возвышаемость над толпосуею поднуползущих...

Дом-Забота. Ныне подобное, казалось бы, парадоксальное отождествление согласуется с синергетическим взглядом на сущность происходящего в андрогинном симбиозе бытия-становления, наличного-возможного, видимого-воображаемого, облика-образа, тела-духа.

Вот в эту темно-ночную фантазмагорию, сколько хватало сил-времени, вонзался на своей двукрылой «Цитадели» ищущее-находчивый миронаблюдатель.

Идет без проволочек

И тает ночь, пока

Над спящим миром летчик

Уходит в облака.

.....

И страшным, страшным креном

К другим каким-нибудь

Неведомым вселенным

Повернут Млечный Путь.

.....

Он смотрит на планету,
Как будто небосвод
Относится к предмету
Его ночных забот.

Б. Пастернак. «Ночь».

За это звезды, «зажженные» явно неслучайно, и дарили ему свою нежность. Дабы смягчить-пригасить душевное томление-горение и так служить невесомым основанием-кровом его чувствительной Цитадели. Ведь она – Дом-Храм, а в нем опять-таки «не камни главное – тишина, ради которой их сложили». Причем, тишина явно домашне-семейная как хранилище, куда хронически беспокойный Зодчий «поместил свою кровь и свою честь». Ибо...

«Тишина в женщине, вынашивающей дитя... Тишина в мужчине – он облокотился на стол, он задумался, он питает и питается соком мысли... Тишина – это отметание вредоносных паразитов и сорняков».

Многоночные перелеты наедине со всеми и тишиной – бреющий поиск «необычайных надежд и мечты о тихой гавани».

«Долго искал я, в чем суть покоя. Суть его в новорожденных младенцах..., семейном очаге. Суть его в вечности, куда возвращается завершенное».

«И кончиться хочет он! Уже настает вечер: по морю скачет он, добрый всадник! Как он качается на своих пурпурных седлах, он, блаженный, возвращающийся домой!»

Уже настает утро: по небу летит он, добрый владелец Цитадели из военной разведки, не выдавая ни блаженства, ни мук.

...Он в море нашел покой.
Лучше лежать во мгле,
В синей прохладной мгле,
Чем мучиться на суровой,
Жестокой проклятой земле.
Будет шуметь вода,
Будут лететь года,
И в белых туманах скроются
Черные города.

Ю. Друнина.

«Глядя с вершины, я погружаю в тебя – о, тишина! – свой город».

И он таинственно погрузился-таки в нее, заботливо оставив на безбрежье Времени нерукотворную Цитадель. Ибо Время, как говорится, боящееся разве что Пирамид, вождельно привечает ее. Не амбициозную гробницу, но Дом-Храм, межзвездный корабль-ковчег рода Зодчих, тех сверхсуетных, кто «с радостью будут тратить себя на то, что драгоценнее их самих». Дабы не отбыть свой срок-век, но воистину *сбыться* в-для Вечности...

От винта!

Ибо...

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодрийяр, Ж. В тени тысячелетия, или Приостановка года 2000 [Электронный ресурс] / Ж. Бодрийяр. – Электронная библиотека RoyalLib.com. – Режим доступа: https://royallib.com/read/bodriyyar_gan/sbornik_statey.html#0. – Дата доступа: 10.02.2022.
2. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляция / Ж. Бодрийяр. – Тула, 2013. – 204 с.
3. Исповедь / Блаженный Августин Аврелий. – М.: «Дарь», 2005. – 544 с.
4. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер. – М., 1997. – 451 с.

Поступила в редакцию 16.02.2022